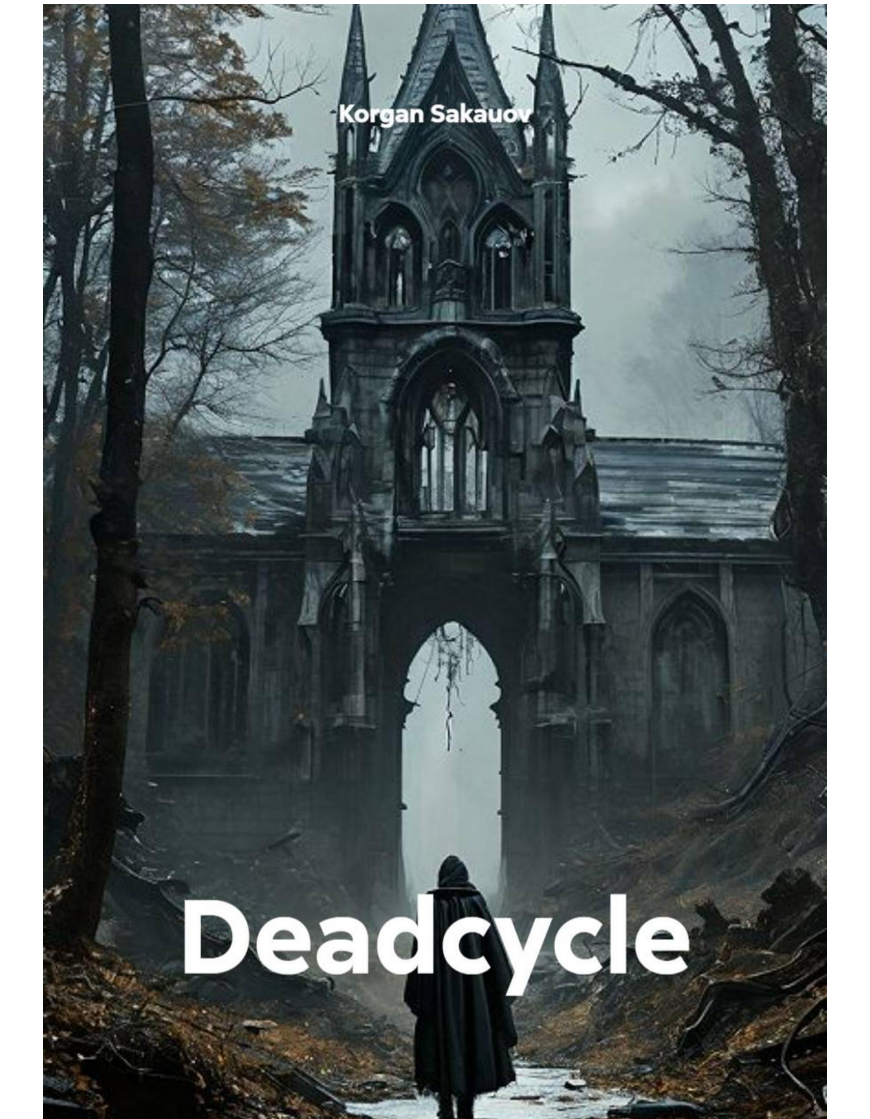

Korgan Sakauov

Deadcycle

Korgan Sakauov

Deadcycle

<https://litres.ru/74311692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один миг разделил его жизнь на «до» и «после».

Он потерял всё и оказался в мире, где душа — не просто часть человека. Её можно увидеть, почувствовать и даже уничтожить. Здесь клятва способна убить, а сила, которой ты доверяешь свою жизнь, однажды может обернуться против тебя.

Он не знает этот мир. Не знает его правил. И уж точно не знает, почему оказался здесь.

Но чтобы выжить, придётся научиться жить среди тех, для кого смерть, душа и сила имеют совсем другое значение.

А иногда самое страшное, что может случиться с человеком, — не потерять себя, а однажды понять, во что он превращается.

Korgan Sakauov

Deadcycle

Глава 1

Глава первая. Клятва

Есть мир, где душу не спрячешь.

Клан Сияющих жил в нём многие века — и все эти века оставался сильнейшим. Их называли Сияющими не за одежды, хотя одежды их были белы, и не за кожу, хотя и та светилась, как первый снег. Сияло в них то, что у других скрыто под рёбрами: сама душа. У этих людей она проступала наружу — в ткани, в теле, в глазах. Посмотри на Сияющего — и увидишь его совесть.

Мана текла в них широкими реками, раны затягивались быстрее, чем успевала выступить кровь. А избранным родам доставалось нечто большее — жёлтые глаза, передававшиеся из поколения в поколение. Тот, в ком загорались эти глаза, становился сильнее во всём: быстрее, твёрже, зорче. Таких за всю историю клана рождалось немного. В те годы, о которых пойдёт речь, носителей оставалось лишь двое — и об одном из них эта история.

Но у совершенства была изнанка.

Когда Сияющий терял того, кого любил, — или когда боль

становилась больше, чем может вместить человек, — душа его гасла. Свет выгорал дотла, и тело с одеждой окрашивались в глухой, беспросветный чёрный. Так рождался Угасший — мстительный труп: существо без чувств, кроме двух уцелевших — боли и ненависти. И потому Угасшие были сильнее Сияющих. Им нечего было беречь.

Мир расчертил между ними страшную границу. Только Угасший мог по-настоящему ранить Сияющего — и рана от Угасшего не заживала никогда: тёмная энергия запечатывала её навеки. Но и рана, нанесённая Сияющим Угасшему, не затягивалась вовек. Две стороны одной души калечили друг друга навсегда — а всё прочее не могло причинить им настоящего вреда. Угасшего нельзя было убить даже клинком в сердце, если в сталь не влита светлая энергия.

И была у Сияющих клятва. Слово, произнесённое всерьёз, становилось цепью: нарушивший клятву умирал — будь он хоть сильнейшим из живущих. Клятву давали лишь одному человеку зараз, и разбить её могла только другая клятва — тяжелее прежней. Так был устроен их мир: не сила решала всё, а то, чему ты эту силу пообещал.

Вожак клана погиб внезапно — и все решили, что так распорядилась судьба. Судьбу звали иначе: ближайший друг вожака, возжелавший его места, подстроил эту смерть и занял освободившийся трон. Душа предателя начала темнеть — но зло красит душу не сразу, а помалу, поступок за поступком,

и внешне новый вожак сиял, как все.

Каждый воин клана был обязан клятвой верности вожаку. Дал её и сильнейший из них — тот, кого народ сам хотел видеть преемником. Он поклялся мёртвому — и остался предан мёртвому, искренне, до конца.

Доказательств у него не было. Было чувство — глухое, как подземный гул: с этой смертью нечисто. И, не сумев ни доказать, ни забыть, сильнейший воин клана ушёл. Просто ушёл — из клана, которому отдал жизнь.

Он нашёл её на исходе дня — женщину, лежавшую без сознания в траве. Угасшую. Чернота покрывала её целиком, от волос до подола.

Он огляделся и почувствовал неподалёку смерть: труп, уже остывший. Похоже, мать. Вот и разгадка: горе, которое не вместилось.

Любой другой Сияющий обошёл бы её стороной — Угасших боятся даже сильнейшие. Он поднял её на руки и отнёс в домик вдали от деревень, где никто не потревожил бы их обоих. А когда стемнело и он взгляделся в её лицо, то узнал его. Это была она — девочка, с которой он рос. Та, в которую был влюблён с тех лет, когда ещё не знал слова «любовь».

Она очнулась яростью. Угасшие всегда просыпаются яростью — это всё, что у них осталось. Он не отступил и не поднял руку в ответ; он говорил с ней тихо, как говорят с испуганным зверем, и ждал.

Угасшие теряют память. Но душа — душа помнит своё. И её душа, глухая и выжженная, вдруг узнала его — как узнаёт дом слепой, ощупав дверной косяк. Ярость осела, будто пыль после обвала.

Она осталась. Из ярости выросла тишина, из тишины — нежность, а из нежности — семья. У них родился сын, полукровка, дитя Сияющего и Угасшей. А вокруг их домика тем временем вырастала деревня: отец возвращал к жизни раненых и больных, что встречались ему, и многие из спасённых, поглядев на этого человека, решали никуда не уходить. Он не звал никого — они оставались сами.

Когда первенцу исполнилось пять, родился второй сын. Мальчик открыл глаза — и они были жёлтыми.

Семь лет прошли так, как проходят лучшие годы: незаметно.

Старший рос сильным — сильнее, чем положено расти детям. Царапины исчезали с него слишком быстро, ссадины не доживали до вечера. Никто не придавал этому значения: в семье сильнейшего из Сияющих чему удивляться? Но правда была тоньше. В старшем сыне проснулась бешеная, неукротимая саморегенерация — редчайший дар, который нельзя ни включить, ни выключить. Тело чинило само себя, ничего не прося взамен. Даром это казалось лишь до поры.

Старший тренировался с отцом каждое утро, иногда — с жителями деревни, а после помогал по хозяйству и таскал

младшего на плечах. К двенадцати годам он одолевал сияющих сверстников и тех, кто постарше.

Младший — тот, чьи глаза горели жёлтым, — в свои семь ещё ничем не блеснул. Отец рассудил просто: у младшего есть глаза, они своё возьмут; значит, больше труда надо вложить в старшего, которому не досталось ничего, кроме упорства. И отдавал старшему лучшие часы.

Отец ошибался.

В тот день небо треснуло.

Сначала — цвет: синева налилась кровью, как белок лопнувшего глаза. Потом — дыра: над миром распахнулся портал, чёрный зев в чужую тьму. И из этой тьмы посыпались твари.

Трёхметровые. Бесчисленные. Каждая — силой в двух воинов клана Сияющих. Мир, не знавший страха много веков, узнал его за одно мгновение.

Младший сын был дома, при матери. Старший возвращался из деревни. Отец стоял у крыльца и смотрел на небо — и видел всё, и чувствовал всё, до самого дальнего крика.

Ему не было страшно. В нём поднималась решимость — спокойная, как вода в глубоком колодце.

Он вошёл в дом, посмотрел на жену — и произнёс клятву. Новую. Тяжелее старой — той, что связывала его с мёртвым вожаком; старая цепь лопнула, как гнилая нить, потому что новая была выкована из большего. «Я защищу тебя и

детей ценой своей жизни». Так это работает у Сияющих: он поставил на кон всё, что имел, — себя. С этого мгновения его жизнь была пристёгнута к её жизни. Умрёт она — умрёт и он.

Вдали — там, за лесами, — вспыхнуло чувство угрозы, огромной, чужой, терпеливой. Отец обвёл деревню взглядом и поднял барьер: купол светлой энергии, сквозь который не пройдёт ни одна тварь. Потом шагнул за край деревни — и исчез в стороне угрозы.

Там, на выжженном холме, его ждал тот, кто открыл портал.

Отец не стал разговаривать. Он ударил первым — и не сдерживался. От их ударов гудел весь мир: дрожала земля под деревней, расходились волнами облака. Главари тварей были силён — силён так, как не бывают сильны существа этого мира. Но отец был сильнее. Главарь понял это быстро — он впервые в своей долгой жизни оказался в бою, который проигрывал.

И всё же он не отступал. Потому что всё — всё до последнего удара — шло по плану.

Твари готовились к вторжению долго. Они изучили этот мир: его кланы, его силы, его слабости. Они знали, что барьер из светлой энергии не проломить силой — и знали, чем его можно разорвать. Они принесли с собой труп Угасшего. Мёртвая чернота коснулась купола — и купол лопнул. Отец почувствовал это через полмира. Рвануться назад?

А главарь? Отпустить его — значит привести за собой. У главаря не было других дел в этом мире: он пришёл за деревней. Бой нельзя было ни бросить, ни закончить быстро. Сильнейшее существо этого мира впервые обнаружило, что сила не решает ничего.

Твари вошли в деревню.

Они искали. Убивали тех, кто вставал на пути, а остальных — для забавы: спешить им было некуда. Они искали не что-то. Кого-то. Того, кто сможет питать их народ долго — не год, не десять лет: всегда. Таких они искали веками, по всем мирам, до которых дотягивались их порталы.

Дом они нашли по запаху жизни.

У порога встала одна тварь, вторая вошла внутрь. В дальнем углу, вжавшись в стены, сидели женщина и мальчик. Угасшая заслонила сына собой — как зверь закрывает детёныша, всем телом, без мысли о себе. Когда-то она была одним из самых опасных существ этого мира.

Но душа её мужа — огромная, победно ревущая сейчас на дальнем холме — давила на неё даже отсюда. Так устроена привязка: Угасший слабеет подле того, кого любит его душа, и чем шире эта чужая душа, тем длиннее её тень. Мать не знала об этом. Она просто чувствовала, что руки не слушаются.

Тварь ударила один раз.

Мать отлетела к стене и осталась лежать. Раны — простые,

обычные раны, которые её тело залечило бы в минуту, — не затягивались: подавленная плоть не отвечала. А её муж, дерущийся за полмира отсюда, не знал ничего.

Мальчик остался в углу один. Семь лет. Жёлтые глаза, которые ещё ничего не умели.

И тогда голова твари, стоявшей у порога, исчезла.

Не отлетела — исчезла, мгновенно, как исчезает пламя задутной свечи. Тело ещё стояло, когда старший брат опустил руку. Он вернулся домой и увидел тварей в своём доме — и первую из них убила его ярость, раньше, чем он сам понял, что бьёт.

А потом он увидел остальное. Мать — у стены, в крови. Брата — в углу, с распахнутыми пустыми глазами.

Ярость дрогнула и на полсекунды обернулась шоком. Полсекунды — ничто. Меньше вдоха.

Твари этого хватило.

Та, что была в доме, рассекла его — наискось, пополам, одним движением. Мир старшего брата разломился надвое вместе с телом...

...и сросся. Мгновенно. Раньше, чем половины успели упасть.

Он даже не понял, что умер и вернулся, — тело решило за него, как решало всегда. Он ударил в ответ; тварь вылетела прочь, снеся входную дверь. Он отбросил её от дома и рванулся к матери —

— и не увидел, как со всех концов мёртвой деревни к дому

стягиваются твари. Все. Молча. Они больше не искали.

В тот миг, когда разрубленное тело срослось на их глазах, они узнали его. Веками, мир за миром, они искали того, кого нельзя исчерпать. Еду, которая не кончается.

Это он.

Его схватили сзади — много рук разом, больше, чем можно стряхнуть. Удар. Темнота. Двенадцатилетний мальчик, за минуту до этого убивший трёхметровую тварь, повис в их лапах, как тряпичная кукла.

Мать очнулась от того, что её сына уносят.

Встать она не смогла — тело не отозвалось. Тогда она поползла. По доскам, по собственной крови — туда, где в углу сидел младший, смотревший на всё это широко раскрытыми глазами. Семилетний разум уже трещал по швам: разрубленный брат, кровь матери, твари в доме. Для полукровки это не просто ужас. Полукровки гаснут быстрее Сияющих — их душу красит не только поступок, но и мысль. Горе такой величины загасило бы его душу за одну ночь. Навсегда.

Мать знала это. Понимала — нутром, не словами: слов у неё давно не было. Камень накопившегося горя стоял в её горле с того дня, как умерла её собственная мать, — Угасшие не говорят, Угасшие молчат, как молчит земля.

И потому, доползя, она сделала единственное, что могла отдать сыну вместо слов.

Запретная техника. Та, которой не пользуется никто — не

потому, что она сложна, а потому, что цена её бесчеловечна: стирающий обязан прожить всю стёртую память сам, в одно мгновение.

Она положила ладонь на голову сына — и стёрла всё.

И всё — прожила.

Семь лет чужой маленькой жизни обрушились в неё разом: первый крик, первый шаг, первое слово — «мама», сказанное ртом, которому она ни разу не смогла ответить вслух; смех под столом, стёртые коленки, старший брат, несущий младшего на плечах через луг, — всю жизнь своего мальчика она прожила за один удар сердца, зная, что в следующий он не вспомнит ни её, ни отца, ни брата. Ничего.

Мальчик обмяк и погас, как свеча.

Она потянулась стереть память и старшему — туда, вслед, в руки тварей, уносящих его к portalу... Не успела. Достала лишь края: несколько мгновений, несколько лиц. Остальное осталось в нём — рваное, дырявое, но живое.

На дальнем холме её муж вложил в удар всё, что имел. Выплеск его торжествующей силы прокатился по миру — и последним, что эта сила сделала, было то, о чём он так и не узнал: она окончательно придавила его жену.

Кровь уходила из неё легко, как вода из разбитого кувшина. Подавленное тело не сопротивлялось.

Она умерла на полу своего дома, между спящим сыном, которого только что спасла, и дверным проёмом, в котором исчез сын, которого спасти не смогла.

Отец был близок к победе.

Главарь шатался; следующий удар стал бы последним. Сильнейшее существо этого мира занесло руку —
— и умерло.

Ни раны, ни яда, ни подлого клинка в спину. Просто где-то в разорённой деревне остановилось сердце женщины, к жизни которой он приковал свою собственную. Клятва не спрашивает о моменте. Клятва исполняется.

Он упал, не завершив замаха. Мир, гудевший от его ударов, замолчал.

Главарь стоял над телом врага, которого так и не смог одолеть, — живой не потому, что победил, а потому, что этот мир убивает своих сильнейших сам, их же любовью. Знал ли он о клятве? Нет. Он знал лишь, как клятвы работают, — но не знал, кому поклялся этот человек. Ему повезло. По плану всё и шло — просто план был о другом: найти вечную еду и уйти.

Они её нашли.

Портал распахнулся снова. Твари стянулись к главарю, унося с собой связанного мальчика, который умел не умирать. Кровавое небо проглотило их — и закрылось.

Тишина.

В деревне, которую построил сильнейший из Сияющих, не осталось ни одного живого жителя. Ни одного — кроме

мальчика семи лет, спящего на полу возле остывающей матери.

Утром он откроет жёлтые глаза — и не узнает ни этого дома, ни собственного имени. А женщины рядом уже не будет. К утру в деревне не останется ни одного тела — ни её, ни отца на дальнем холме, ни жителей на улицах. Куда они исчезли, не узнает никто.

Память мальчика чиста, как первый снег. Как душа Сияющего.

Он не знает, что у него был брат.

Он не знает, что у него было всё.

Конец первой главы.